

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ О ВЛАДИМИРЕ ПЕТРОВИЧЕ ЗИНЧЕНКО

Ф.Е. ВАСИЛЮК

Зинченко Владимир Петрович
(1931—2014)

6 февраля 2014 года не стало Владимира Петрович Зинченко. Он стоял у истоков нашего журнала и нашего факультета. Все, кто преподает, учится и учился на факультете консультативной и клинической психологии МГППУ — его бывшие студенты. И все мы с благодарностью и любовью вспоминаем его вдохновенные лекции, его чудесный юмор и неисчерпаемое жизнелюбие.

В последние годы у нас случались маленькие праздники — Владимир Петрович заходил в перерыве между лекциями в 305-ую комнату, подса-

живался к нашему круглому столу, и пока пил свою чашку кофе на несколько минут отступала университетская суета и рутина: границы кабинета распахивались в миры поэзии, философии и одесских анекдотов...

В.П. Зинченко был главным редактором издающегося в МГППУ международного журнала «Культурно-историческая психология». Б.Г. Мещеряков и В.В.Рубцов опубликовали материал «Человек большого ума и большой души», посвященный памяти Владимира Петровича. Приведу краткую биографическую справку, с которой начинают авторы.

«Более 60 лет назад он связал свою жизнь с психологией и до последних дней жизни продолжал служить этой науке, культуре и обществу. Из скудных строк биографии можно представить широкий диапазон его деятельности: прорывные экспериментальные исследования, блестящие лекции во многих российских и иностранных университетах, руководство лабораториями, кафедрами и даже институтами, многочисленные статьи и книги и т. д.

Вспомним основные вехи его жизни. В.П. Зинченко родился 10 августа 1931 г. в семье психологов, в Харькове. В 1948 году поступил на отделение психологии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, по его окончании в 1953 г. — в аспирантуру НИИ психологии АПН РСФСР, которую окончил в 1956 г. Защитив в 1957 г. под руководством А.В. Запорожца кандидатскую диссертацию на тему «Некоторые особенности движений руки и глаза и их роль в формировании двигательных навыков» (официальными оппонентами были А.Р. Лурия и П.Я. Гальперин), работал в том же институте сначала в качестве младшего, затем старшего научного сотрудника.

В 35 лет В.П. Зинченко в 1966 г. стал доктором психологических наук (тема диссертации — «Восприятие как действие», оппонентами были Б.Г. Ананьев, А.А. Смирнов и Б.Ф. Ломов), в 38 — профессором. Будучи избранным в 1974 г. членом корреспондентом, а в 1992 — действительным членом АПН, он неизменно уделял академическим делам много времени и сил. В 1991—98 годах Владимир Петрович — член президиума РАО, академик секретарь Отделения психологии и возрастной физиологии, а с 2001 г. — академик Отделения образования и культуры РАО. Среди его печатных работ специальный очерк посвящен вкладу психологов в работу РАО.

В.П. Зинченко принадлежит к ученым, которым тесно в рамках собственно кабинета и даже лаборатории. Он с неизменным успехом обеспечивал условия профессиональной деятельности для огромного числа психологов и других специалистов. В 30 лет (1961) организовал в НИИ автоматической аппаратуры первую в стране лабораторию инженерной психологии, которой руководил до 1970 г. С 1970 по 1982 год возглавлял созданную им же кафедру психологии труда и инженерной психологии на психологическом факультете МГУ. В течение 15 лет (1969—1984) руководил отделом эргономики ВНИИ технической эстети-

ки, где были развернуты эргономические (теоретические, методологические и экспериментальные) исследования, а также исследования процессов порождения зрительных образов, умственного вращения и визуального мышления. В 1984 году организовал кафедру эргономики в Московском институте радиотехники, электроники и автоматики. Кроме того, в конце 1980-х гг. был зам. директора Института философии РАН и руководителем Центра наук о человеке, директором-организатором Института человека РАН. С 1998 года — главный научный сотрудник Института общего среднего образования РАО, руководитель Центра наук о человеке при ИОСО РАО, профессор Самарского педагогического университета.

В 1998 году В.П. Зинченко организовал и возглавлял до 2007 г. кафедру психологии в Международном университете природы, общества и человека «Дубна». В 2007 году основным местом его работы стал факультет психологии ВШЭ. Многие годы читал лекции в МГППУ, где также был профессором кафедры «Культурно-историческая психология», позднее преобразованной в международную кафедру ЮНЕСКО «Культурно-историческая психология детства» [8, с. 4].

Разумеется, и без знания деталей биографии все знали, что В.П. Зинченко — ученый с мировым именем, безусловный лидер отечественной психологии последних десятилетий. Но чем больше вчитываешься в эти строчки, тем сильнее впечатление о масштабах свершений, и в то же время тем яснее и яснее, насколько сам автор больше, чем все его произведения и достижения.

Ученый? Бесспорно! Однако стоит открыть любую страницу его книг, чтобы сразу понять, что при всем мастерстве экспериментатора, при всей ответственной точности исследователя, работающего на оборонный заказ¹, в мундире одной лишь научной логики ему тесно и скучно. В.П. Зинченко мечтал об интересной психологии, и мечту эту сам воплощал.

Родившись в августе, он словно пропитался теплом, щедростью и плодоносностью этого месяца. Листать книги Зинченко — как ходить по роскошному августовскому рынку. Краски метафор и поэтических цитат, многоцветье тем, разнообразие жанров, изобилие идей, голоса великих собеседников, пир, на который призваны все. И никакого налета на роскошь!

Стиль его письма размашист, ассоциации свободны и умны (на аналитической кушетке другая свобода ассоциаций — от разума и воли), рельеф текстов как в горах, где за каждым поворотом открываются неожиданные перспективы, возникают смелые параллели далеких тем, ис-

---

¹ Рассказывая, как создавалась в 60-х инженерная психология, В.П. Зинченко давал полушуточное ее определение: инженерная психология — это та же экспериментальная психология, но повышенной ответственности.

торические экскурсии эхом откликаются на злободневные культурные события и политические реалии. Линейная, рассудительная логика не годится для такого рельефа, здесь нужен совсем другой стиль движения — поэтический, и даже — музыкальный.

В.П. Зинченко как бы вслушивается в разворачивающуюся звуковую стихию текста. Он сам немного удивлялся, насколько его тексты насыщены цитатами. Вкус ему не изменял: это отборные жемчужины мысли и поэзии. Но они вовсе не нанизаны как бусы на одну нить. Композиция совсем другая. «Цитата не есть выписка, — повторял В.П. за О.Мандельштамом. — Цитата есть цикада. Неумолкаемость ей свойственна». Ночью на юге звезды дрожат от звона тысячи скрипачек и пахнет чабрец — такова густая, насыщенная атмосфера текстов В.П. Зинченко. Это полифоническое письмо, цитаты не сменяют друг друга, а звучат вместе, взаимоотражаясь, перекликаясь, то образуя смысловые узоры, то споря друг с другом. Мы почти не замечаем легких движений дирижера, потому что все внимание приковано к голосам и лицам: Бахтин, Флоренский, Франк, Шпет, Выготский, Ухтомский... Его дирижерская палочка не властолюбива, это вовсе не «симфоническая полиция» (Мандельштам), Зинченко доверчиво, даже влюбленно отдает инициативу самому многоголосью, его дело не направлять, а слушать, заслушиваться². Он явно наслаждается и щедро угощает читателя. Впрочем, это слушанье — вовсе не пассивная сомнамбулическая завороченность, в нем есть своя оснастка, с помощью которой автор натягивает паруса исследовательского судна так, что начав с какой-нибудь традиционной психологической проблемы, оно быстро уносится в открытое море, где проблема эта оказывается на пересечении философских, антропологических, лингвистических и богословских ветров.

К этому-то автор и стремился: исследование превращается в приключение мысли. Читателю скучно не будет, железобетонные доки казенного академизма далеко позади, в них не сыщешь «длиннохвостых ягуаров», а впереди — неожиданные встречи, остров сокровищ, «изобилие невиданных зверей»: «духовный организм», «активный покой», «викарные действия» и все это под «радугой смысла». Далеко не всем близок такой стиль научного текста, но молодые коллеги, еще не растерявшие юношеского романтизма, любили интересную психологию «от Зинченко». Я спрашивал у студентов разных лет и разных университетов о лекциях В.П. Зинченко, и реакция всякий раз была похожей: загорались

---

² Я с опозданием прочел замечательную статью А.И. Назарова [6], в которой эта мысль сформулирована намного раньше и точнее. Автор определил стиль цитирования В.П. Зинченко как особое музыкально-исполнительское творчество в жанре *многогетмой импровизации*.

глаза, лицо расплывалось в улыбке, а до внятной речи гортань издавала несколько восхищенных междометий, словно они в самом деле побывали не в университетской аудитории, а на «далекой Амазонке», и что-то с ними случилось хорошее, важное, что выразить в слове непросто. Быть может, именно это их любимый лектор и называл «живым знанием»? [1]. Не случайно, по опросам студентов Высшей школы психологии, В.П. Зинченко не раз оказывался лучшим преподавателем.

В последние годы книги В.П. Зинченко все меньше становятся похожи на обычные научные тексты, по своей стилистике и организации они больше напоминают гипертекст. В этом выражалась не только сквозная «культурная опосредованность» его профессиональной памяти, но и дар свободы, которым он был щедро наделен сам и так же щедро дарил своим сотрудникам, ученикам и читателям. Анализируя сходство сознания и гипертекста, В.П. Зинченко, кажется, не замечал, что пишет и о собственном авторском стиле: гипертекст, формулировал он, «поддерживает богатство степеней свободы индивидуального мышления читателя» [2, с. 238].

Совет издателям трудов В.П. Зинченко: выпустить его книги в формате гипертекста, даже — «гипермедиа». Страницы будут пестреть синими гиперссылками и фотографиями, через которые «упоминательная клавиатура» Зинченко станет приглашать (вызывать) голоса его великих собеседников. Один клик — и уже речь не о Бродском, а — речь Бродского, — знакомое ритмичное завывание с гениальной картавинкой:

Твой Новый год по темно-синей
волне среди моря городского
плывет в тоске необъяснимой,
как будто жизнь начнется снова...

В.П. Зинченко лучше читать не как, например, А.Н. Леонтьева, страница за страницей. Его книги словно сами подстрекают их перелистывать, забегать вперед, открывать наугад, вольно перемещаться во всех направлениях. Это — сетевая композиция текста и читательского поведения. Всё живое, все свободны — вот главное послание, навеваемое книгами В.П. Зинченко. «Живое знание», «живое движение», «свободное действие» — из самых любимых его понятий. Такая вольность пленяет читателя. И во втором (исторически первом) смысле: ведь «гипертекст — это нелинейный лабиринт, и выйти из него, войдя один раз, труднее, чем может показаться на первый взгляд» [9, с. 33].

М. Коул и Дж. Верч к 80-летию юбилею В.П. Зинченко предприняли самоотверженную попытку заново прочитать весь корпус основных его трудов с целью казалось бы невыполнимой — найти в фантастическом разнообразии идей и тем, разрабатывавшихся более полувека, единую

«связующую нить». Кажется, сами авторы были удивлены, что им это удалось: «Такой нитью являются исследования действия (во всех формах его существования) как идеальной единицы анализа и понимания возможностей и границ человеческой свободы» [5, с. 118—119]. Американские коллеги смогли проследить метаморфозы этой категории, начиная от самых ранних экспериментальных исследований перцептивного действия и формирования зрительного образа вплоть до фундаментальной работы «Сознание и творческий акт» [3]. Полностью соглашаясь с тем, что «свободное действие» — ключевая, сердцевинная категория мысли В.П. Зинченко, хочу проблематизировать точность метафоры «сквозной нити» для описания истории развития его идей. Траектория исследовательского пути В.П. Зинченко мало напоминает перемещение вдоль линии. Такое движение покидает точку отправления и удаляется от нее. На мой взгляд, для него характерна совсем другая геометрия профессиональной судьбы: двигаться от центра во всех направлениях, не оставляя раз завоеванных мест. Так расширяются Вселенная и империя (как ни драматично об этом писать в марте 2014 г.). Это было движение с нарастающим темпом³, вбирающее в орбиту психологического знания все новые и новые имена и темы.

До 80-х годов сообщество московских психологов сохраняло черты большой семьи. Отношения могли быть непростыми, как и положено в семье. Владимир Петрович был связан с великой когортой отечественных психологов особыми, почти кровными узами. Может быть, поэтому в его способе жить в профессии явно ощущалось первородство. И хоть «престол» в виде должности декана факультета психологии МГУ ему не достался, и не было претензий на привилегии⁴, но какое-то «державное» чувство наследника, держание ответственности за маленькое королевство было у него в крови. Этот его особый статус чувствовался всеми, даже недоброжелателями, но тому были и объективные символические знаки-свидетельства: например, московская прописка(!) в подвале Психологического института. В 90-х Зинченко шутил, что зря выписался, теперь бы мог приватизировать Институт.

Первородство нельзя заработать, но, данное даром, оно есть вызов и долг. Владимир Петрович вызов принял и долг исполнил: приумножил богатство школы и отдал дань памяти учителям. В юбилейном сборнике — по целому очерку (300 страниц!) посвящено любимым учителям и

---

³ Вот цифры, показывающие это ускорение: в списке избранных публикаций В.П. Зинченко за 80-е — 3 книги и 15 статей, за 90-е — 7 книг и 34 статьи, за 2000—2010 — 10 книг и 57 статей.

⁴ А привилегии все же были: несмотря на строжайший запрет курить в стенах университетов, у Зинченко было неписаное персональное право на сигарету в любом кабинете и аудитории.

друзьям — Л.С. Выготскому, С.Л. Рубинштейну, Н.А. Бернштейну, А.Н. Леонтьеву, А.Р. Лурии, А.В. Запорожцу, М.И. Лисиной, П.Я. Гальперину, Д.Б. Эльконину, В.В. Давыдову, Ф.Д. Горбову, М.К. Мамардашвили, Г.П. Щедровицкому, отцу и сестре — П.И. Зинченко и Т.П. Зинченко [4].

Как скрываемый порок выдаст себя невольной проговоркой, так благодарность и любовь невольно приоткрывает сокровенное: достаточно взглянуть на заголовки этих очерков [4], чтобы выявить ядерные категории «семиосферы» В.П. Зинченко. Вот они: «слово», «жизнь и деятельность», «образ мира», «участность в бытии», «свободная мысль», «творческое понимание», «личность и деятельность», «живая память», «дружба».

После защиты докторской, — шутил Владимир Петрович, — можно читать книги бескорыстно. Он сам был великим, бескорыстным читателем. Словно влюбленный в свою землю краевед, он собственными глазами и пером исходил всю нашу психологию и окрест, оставив нам множество карт отечественной психологии. На этих картах появились города, ранее за психологией не числившиеся. В.П. Зинченко вовсе не был первооткрывателем для психологической публики имен Бахтина, Флоренского, Шпета, Ухтомского, но именно он почтительно уговорил их сделать честь нашей науке и принять мантии профессоров психологии⁵. Но этого мало. Главное географическое наследство — многочисленные тропы, дороги, мосты, переправы, целая сеть путей сообщения, проложенная им между столь разными, далекими, а то и не знакомыми друг с другом теориями и авторами. Живые ассоциации Зинченко протянули на карте психологии прямые маршруты между Флоренским и Выготским, Шпетом и Бахтиным, Мандельштамом и Мамардашвили.

В.П. Зинченко работал много, но штамп «много и упорно» — не про него. «Упора» как раз не было, в его труде было больше радости, любопытства, игры, чем сумрачного напряжения воли. По духу, он, конечно, из моцартовской породы. «То, что для натужного трудолюбца — свершение и подвиг, то для «гуляки праздного» — прогулка и забава. Шаг — и серия изящных экспериментов по микроструктуре действия, другой — и фундаментальная докторская в 35 лет, вдох — и рождаются лаборатории и кафедры, выдох — и целый институт (Институт человека РАН), взмах пера — и зашагала по миру новая книга, опираясь на «посох Мандельштама» и попыхивая ароматной трубкой Мераба, поворот головы — и создана смелая теория «Вертикали духовного развития че-

---

⁵ Г.Г. Шпета — повторно. В 1907 проф. Г.И. Челпанов пригласил своего любимого ученика преподавать в Московском университете и создавать Психологический институт. В 2000 г. проф. В.П. Зинченко вернул Г.Г. Шпета психологии после долгого изгнания. Так и называется его книга — Зинченко В.П. Мысль и Слово Густава Шпета (возвращение из изгнания). М., 2000.

ловека», жест руки — и огромная аудитория заморожена “Живым знанием”, — эти строки были написаны в 2001-м, к его 70-ти, а оказалось, что он только разминался. За три года с 2011 по 2013-й — 68 публикаций, больше, чем за плодотворное десятилетие 2000 — 2010! Немыслимая продуктивность! «Всего восемьдесят лет, и все еще растем...» — так британский психолог С. Чайклин назвал статью, посвященную В.П. Зинченко [10].

При такой творческой продуктивности странный, неожиданный факт: он не создал ни своей «системы», ни «школы». Удивительно: ведь по негласной табели о рангах, намного более точной, чем все индексы цитирований вместе взятые, В.П. Зинченко уже многие годы — «№ 1» российской психологии. В чем же дело? В превратностях профессиональной судьбы? Моя гипотеза такова: для «школы» и «системы» нужно намного больше директивности, чем по нутру Владимиру Петровичу. А он был на редкость конгруэнтен, жил как дышал, ограничивать, «строить», неволить ни себя, ни других не хотел. Даже столько сделав для «оборонки», Зинченко никогда не мог бы стать военным, потому что единственная его команда была бы «Вольно!». Не оттого ли он с таким подозрением (по мне — несправедливым) относился к идее «формирования» (П.Я. Гальперин), что слышал в ней большевистские обертона принудительнойковки «нового человека»? (И это при том, что самого Петра Яковлевича очень любил и ценил). Свобода для Зинченко — не просто высшая ценность, за которую он готов был платить (и платил), но органика, «биология», стиль жизни.

Не сконструировав замкнутую теоретическую «систему», не выстроив дисциплинированную «школу», В.П. Зинченко породил, испытал и отшлифовал другой, не менее значимый культурно-исторический продукт — **личный стиль жизни в профессии**. В историческом плане и «системы», и «школы» служат одному — трансляции, воспроизводству и развитию профессионального опыта. Но ведь и личный стиль — из того же ряда. А заразителен и убедителен он порой больше, чем любая понятийная система. За вольным стилем В.П. Зинченко — золотой запас лонгитюдного эмпирического исследования длиной в жизнь, исследования, бившегося над вопросом: можно ли ученому в условиях тоталитарного государства и идеологического пресса прожить не прогибаясь, не предавая себя, прожить творчески, продуктивно, вырасти в полную меру своего дара и своей свободы? Свящ. П. Флоренский писал, что обмануть можно словом, даже поступком, одним нельзя обмануть — прожитой жизнью.

Б.Г. Мещеряков [7] дал емкий и методологически трезвый анализ «Z-концепции» — так он называет теорию сознания и духовного разви-

тия, предложенную В.П. Зинченко. Самому «Z», автору концепции, он предложил заполнить краткий вариант теста самоактуализации, не будучи особенно уверенным в его валидности. Борис Гурьевич был рад за тест: он испытание выдержал. Одно из свойств самоактуализирующейся личности — способность воплощать и сохранять дар каждого человеческого возраста. Пройдя сквозь все возрасты, Владимир Петрович стяжал мудрость патриарха, рыцарство мужа, дерзость юноши. А в ядре личности — живая непосредственность и распахнутое в мир любопытство ребенка⁶.

В.П. — человек быстрой, живой, спонтанной реакции. Мне довелось видеть его в ситуации столкновения с агрессивной шпаной. Зинченко просто не дал им опомниться, он не собрался в защитную боксерскую стойку, а парадоксально распахнулся им навстречу, при этом каким-то чудом словно вырос мгновенно в великана и луженой лекторской глоткой издал грозный рык. Шпана как-то загрустила и вытекла жалким ручейком из магазина, где происходило дело. Могу предположить, что и в совсем других хронотопах, например, на заседаниях Академии образования его реакция была такой же цельной и мощной. Живое движение, никаких запинок и расчетливых вычислений. Он не знал теплохладности, был горяч, порой резок. Знаменитое остроумие Зинченко разило не хуже гасконской шпаги.

Несмотря на такую высокую скорость и цельность реакции, его движение всегда было личным, авторским, он действовал от себя, без маски и без заботы об алиби. Верность себе, своему человеческому достоинству и свободе исключала такие условные социальные рефлексы, как подкакивание и расшаркивание. Спину он держал прямо.

Для него свобода была осознанной необходимостью. Отнюдь не в марксистском смысле добровольного подчинения объективной силе, напротив: стоять в свободе — было для него первичной внутренней потребностью души, ясно осознанной необходимостью, его душевный организм просто не соглашался дышать другим воздухом. В.П. Зинченко не верил в павловский «рефлекс свободы». А зря.

Характерный стиль его мышления проявлялся не только в науке, но и в повседневной жизни. Владимир Петрович каким-то непонятным образом мгновенно схватывал смысл ситуации — житейской ли, социальной, политической. И сразу же внутри него будто звучала команда «свистать всех наверх» — и слетались воспоминания, метафоры, цитаты, анекдоты, ассоциации. Зинченко оставалось лишь исполнить маленькую джазовую импровизацию к удовольствию собеседников.

---

⁶ И на это у В.П. есть цитата: «А.А. Ахматова о Б.Л. Пастернаке: "Он награжден каким-то вечным детством"» [4, с. 338].

Если обобщить всё и объявить конкурс на одно, главное слово, символ всей его личности, то в финал выйдут «живое» и «свободное». Это ощущалось физически. Вслушиваясь во впечатления многих людей о встречах с В.П. Зинченко, при всем их многообразии можно восстановить интегральную эмоцию, общую атмосферу этих встреч, — веселый дух праздничности, необыденности, ощущение свежести, свободного дыхания, дружелюбности, непринужденности⁷. Еще одна общая черта — чувство «замеченности»: многие вспоминают, насколько для них было важно, что Зинченко смог увидеть его очень лично, персонально, прочесть статью или диссертацию, отозваться и тем подтвердить и утвердить и в человеческой значимости, и в профессиональном бытии. Встреча с В.П. Зинченко нередко давала какое-то благодатное витальное чувство, которое бывает в первый теплый весенний день, когда вдруг тело вспоминает, что можно больше не съезживаться, и хочется подставить лоб теплomu ветру, и с глуповатой улыбкой глазеть на горлающих воробьев. Откуда-то из глубины, сквозь все неурядицы и привычное уныние, пробивается забытое детское ощущение жизни как праздника. И хочется жить.

Как соединить в одно *вольную жизненность*, идущую изнутри личности Владимира Петровича, и порождаемый им в других *веселый витальный дух*? Быть может формулой Альберта Швейцера: «Я жизнь, которая хочет жить в живом окружении жизнью, которые хотят жить»?

* * *

24 октября 2012 года Большая психологическая аудитория была переполнена: Психологическое институту им. Л.Г. Шукиной — 100 лет. На сцене Н.Толстых, Т.Гаврилова, Е.Смирнова, В.Шур, Р.Спектор (не хватает лишь Т.Нежной) — легендарный институтский «капустник». Впервые звучит песня, написанная к 80-летию В.П. Зинченко.

Спокойно, Петрович, спокойно,
У нас еще все впереди,
И пожилы, в общем, достойно,
Но что-то там ноет в груди...

Песня была пронзительная. Зал аплодировал «капустнику». На сцену каким-то неловким добрым медведем взобрался сам В.П. Теперь зал

---

⁷ Не откажу себе в удовольствии привести названия маленьких поздравительных заметок, составивших материал «К 80-летию В.П. Зинченко» (Вопросы психологии, 2011, № 5): Эльконин Б.Д. «Феномен В.П. Зинченко»; Смирнова Е.О. «В.П. Зинченко — явление культурно-историческое»; Толстых Н.Н. «Праздник, который всегда с нами»; Поливанова К.Н. «Редкий дар слова и тепла»; Цукерман Г.А. «Поэт от психологии»; Венгер А.Л. «Неповторимое обаяние». Говорящие заголовки!

аплодировал тому, как трогательно и благодарно обнимались адресат песни и исполнители. Возвращаясь на место, отнюдь не сентиментальный Владимир Петрович поклонился всем и что-то смахнул с глаз платком. Зал встал и долго, долго хлопал уже самому «Петровичу», вкладывая в каждый удар ладонями какую-то прощальную очищенную нежность, благодарность и тепло. Зинченко беззащитно стоял под этим теплым ливнем и в наступившей вдруг странной тишине только и смог сказать: «У меня нет слов... Я вас всех люблю». ... Мелькнуло из Бродского, как...

...Симеон

умолкнул. Их всех тишина обступила.
Лишь эхо тех слов, задевая стропила,
кружилось какое-то время спустя
над их головами, слегка шелестя
под сводами храма, как некая птица,
что в силах взлететь, но не в силах спуститься.
И странно им было. Была тишина...

ЛИТЕРАТУРА

1. Зинченко В.П. Живое знание. Психологическая педагогика / Самара, 1998.
2. Зинченко В. П., Моргунов Е. Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии / М.: Тривола, 1994. 304 с.
3. Зинченко В.П. Сознания и творческий акт / М.: Языки славянских культур, 2010. 592 с.
4. Зинченко В.П. Мои Учителя и Заслуженные собеседники // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию Владимира Петрович Зинченко / М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. М., 2011. С. 231—584.
5. Коул М., Верч Дж. Свобода и скованность человеческого действия // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию Владимира Петрович Зинченко / М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. М., 2011. С. 117—140.
6. Назаров А.И. Мой учитель и постоянный собеседник // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию Владимира Петрович Зинченко / М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 585—589.
7. Мещеряков Б.Г. Z-концепция, как я ее понимаю // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию Владимира Петрович Зинченко / М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. М., 2011. С. 141—162.
8. Рубцов В.В., Мещеряков Б.Г. Человек большого ума и большой души // Культурно-историческая психология. 2014. № 1. С. 4—7.
9. Руднев В. Словарь культуры XX века / М.: Аграф, 1999. 384 с.

10. *Чайклин С.* Всего восемьдесят лет, и все еще растем: «разговор» с Володией Зинченко о теории деятельности // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию Владимира Петрович Зинченко / М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. М., 2011. С. 175—186.

LIVE MEMORY OF VLADIMIR P. ZINCHENKO

F.E. VASILYUK

1. *Zinchenko V.P.* Zhivoe znanie. Psikhologicheskaja pedagogika / Samara, 1998.
2. *Zinchenko V.P., Morgunov E.B.* Chelovek razvivaiushchiisia. Oчерки rossiiskoi psikhologii / Moscow: Trivola, 1994. 304 p.
3. *Zinchenko V.P.* Soznaniia i tvorcheskii akt / Moscow: iazyki slavianskikh kul'tur, 2010. 592 p.
4. *Zinchenko V.P.* Moi Uchitelia i Zasluzhennye sobesedniki. Stil' myshleniia: problema istoricheskogo edinstva nauchnogo znaniia. K 80-letiiu Vladimira Petrovich Zinchenko / M.: Rossiiskaia politicheskaja entsiklopediia (ROSSPEN), 2011. Moscow, 2011. Pp. 231—584.
5. *Koul M., Verch Dzh.* Svoboda i skovannost' chelovecheskogo deistviia. Stil' myshleniia: problema istoricheskogo edinstva nauchnogo znaniia. K 80-letiiu Vladimira Petrovich Zinchenko / Moscow: Rossiiskaia politicheskaja entsiklopediia (ROSSPEN), 2011. Moscow, 2011. Pp. 117—140.
6. *Nazarov A.I.* Moi uchitel' i postoiannyi sobesednik. Stil' myshleniia: problema istoricheskogo edinstva nauchnogo znaniia. K 80-letiiu Vladimira Petrovich Zinchenko / M.: Rossiiskaia politicheskaja entsiklopediia (ROSSPEN), 2011. Pp. 585—589.
7. *Meshcheriakov B.G.* Z-kontseptsiiia, kak ia ee ponimaiu. Stil' myshleniia: problema istoricheskogo edinstva nauchnogo znaniia. K 80-letiiu Vladimira Petrovich Zinchenko / Moscow: Rossiiskaia politicheskaja entsiklopediia (ROSSPEN), 2011. Moscow, 2011. Pp. 141—162.
8. *Rubtsov V.V., Meshcheriakov B.G.* Chelovek bol'shogo uma i bol'shoi dushi // Kul'turno-istoricheskaja psikhologiiia. 2014. № 1. Pp. 4—7.
9. *Rudnev V.* Slovar' kul'tury XX veka / Moscow: Agraf, 1999. 384 p.
10. *Chaiklin S.* Vsego vosem'desiat let, i vse eshche rastem: "razgovor" s Volodei Zinchenko o teorii deiatel'nosti. Stil' myshleniia: problema istoricheskogo edinstva nauchnogo znaniia. K 80-letiiu Vladimira Petrovich Zinchenko / M.: Rossiiskaia politicheskaja entsiklopediia (ROSSPEN), 2011. Moscow, 2011. Pp. 175—186.